

Миф как «превращенная форма» знания и граница античного рационализма (к вопросу о генезисе науки)

Г. Н. КАЛИНИНА

(БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ)

В статье представлена рефлексия выявления конкретно-исторических (реальных) предпосылок и границ генезиса науки, связанных со сложной метаморфозой «превращенных форм» знания как восполняющих замещений на границах античной рациональности.

Ключевые слова: миф, античный рационализм, генезис науки, ментально-когнитивные формы, логико-рациональное мышление.

Выявление исторических и социокультурных предпосылок и границ генезиса науки сопряжено с метаморфозой превращенных, ненаучных форм знания, с исследованием сложного механизма функционирования, взаимоотношения этих социальных и ментально-когнитивных форм как восполняющих замещений на границах, разрывах и культурных диалогах античной рациональности. В русле сегодняшнего повышенного внимания исследователей к мифу, к донаучным формам знания не без оснований говорится о необходимости их реабилитации как равноправных (а не маргинальных, как считалось ранее) субъектов познавательного процесса. Действительно, истоки многих видов научной тематики и проблематики современности уходят в недра именно мифологического сознания как первичной формы идеального и рационального с функциями регулирующей деятельность знания. И если магия со свойственной ей когнитивно-исследовательской установкой дала первое объяснение познавательного процесса в форме пророчества и гадания, понимание окружающего мира в образе архаической онтологии, то миф, оформив последнюю в целостную систему сакрального сознания, завершил деление мира на профанный и сакральный, став, по сути, первым длинным интерсубъективным текстом, всеобъемлющим ресурсом культуры.

В значительной мере внимание к мифу как типу познания сопряжено с необходимостью раскрыть базовые структуры сознания и его связь с бессознательным, с нетематизируемыми горизонтами жизненного мира, с не-

прозрачными зонами «забвения» (Касавин, 2005: 13).

В современных условиях широко распространено представление о том, что мир перестал быть «прозрачным» для разума и наука не справляется с объяснением сложных вопросов мироздания. Отсюда вполне закономерен и понятен рост интереса ко всему отличному от традиционно понимаемой науки. Мы наблюдаем заметный поворот исследователей к мифу (как опыту сознания), познавательнорациональные и логические потенциалы которого лежат не на поверхности мифологических образов, а в глубинах материальной и духовной жизнедеятельности человека.

Впервые теоретическая форма знания, предметом которой являются поиски всеобщего начала при сохранении дихотомии создающего и умозрительного, выделяется в чистом виде в границах античной рациональности: мир мнения, мир единичности, для которых нет «ни определения, ни доказательства», противопоставлен миру теоретическому, где можно «как бы видеть умом». Выявление специфики формообразований мифологического сознания в границах античного рационализма позволяет рассматривать их как синтетическую рационально-внерациональную, недифференцированную форму сознания и знания при невозможности выделения рационально-логических форм в их «чистом» виде. Одновременно можно говорить о генетической связи логико-рационального мышления с мифологическим субстратом. В известной мере именно он послужил основой для формирования нового типа мышления, связанного с линг-

вистическо-логической структурой и аргументацией миропорядка (Петров, 1996: 359).

Характерно, что в большинстве гносеологических моделей признается связь наглядности научной картины мира со здравым смыслом, сферой обыденного опыта людей, отмечается вклад «обыденного сознания», «образов повседневного опыта» в создание научной картины мира (Швырев, 1986: 27). Однако в подавляющей своей части в научной картине мира, сформировавшейся к XVII в., исследователи, как правило, предпочитают видеть лишь «продолжение» обыденного (дотеоретического) сознания. Представляется, что данная позиция в известной мере беспочвенна, поскольку базируется на поисках выхода в теорию из «чисто» обыденных способов познания, т. е., по сути, из опыта, ограниченного чувственностью. Он же в силу последнего обстоятельства не дает достаточного материала для выяснения причин, закономерностей явлений, улавливая лишь обманчивую видимость вещей (Маркс, 1973: 554). В данной связи мы, отдавая должное месту, роли и значению донаучных социально-когнитивных форм в обогащении познавательного опыта человечества, без которого (как это настойчиво подчеркивается в современной литературе по истории науки и культуры) было бы невозможно развитие науки в дальнейшем, мы настаиваем на первостепенной роли *качественного скачка* в развитии познания, который является решающим в формировании науки и научной формы (по)знания.

В философской литературе в достаточно явном виде отразились противоположные позиции о соотношении обыденного сознания (здравого смысла) и науки (научной картины мира — НКМ). Первую позицию занимают те, кто не видит между ними принципиального различия: наука есть очищенный, систематизированный «экстракт» здравого смысла и «со-вечна» тем самым обыденному сознанию. Вторую позицию занимают те, кто утверждает качественное отличие науки от обыденного сознания в силу ее специфики, называя временем ее рождения XVI–XVII вв. Данный процесс, по их мнению, связывается с разрушением антично-средневековой концепции мироздания, во многих отношениях

родственной обыденному сознанию, с отрывом мира обыденного опыта от научной картины мира. Есть и третья позиция, согласно которой качественная специфика научной картины мира не сводится по факту своего рождения ни к *эволюции обыденного сознания*, ни к радикальному *разрыву* с ним. Мы придерживаемся этой третьей позиции.

Вполне правомерно, на наш взгляд, что одной из важных мировоззренческих предпосылок смены одного типа познавательного отношения к другому и перехода от протонаучного знания к «собственно науке, — как пишет А. А. Гурштейн, — рассматривается преодоление основ архаического мифологического сознания, создание демифологизированной „объектно-естественной“ картины мира. Однако отказ рассматривать накопленный багаж знаний в качестве научных не означает, что мы „оставляем человека целиком в лоне религии“, принижаем значимость его достижений в познавательной сфере» (Гурштейн, 1984: 24).

Подчеркивая *качественное отличие* науки от обыденного сознания, а также исходя из ее специфики, мы не можем принять концепции, в которых наука выступает неким очищенным, систематизированным «экстрактом» здравого смысла и тем самым «со-вечна» обыденному сознанию. Желание выделить прото-(пред)научный аспект в качестве начала «собственно науки» напоминает попытку вывести всю необходимую и достаточную «совокупность условий», «предпосылок» ее возникновения в донаучном сознании, причем с высоты современности. Не подгоняем ли мы в таком случае «исконное» под «известное»? Ведь складывающиеся предпосылки начальных механизмов образования научной формы духовного производства (форм научного познания) еще скрыты в глубинах практической деятельности и мышления человека. Прав К. Маркс, когда говорит: «...на прежних ступенях производства ограниченный объем знания и опыта... в целом никогда не выходил за пределы традиционно пополняемого и лишь очень медленно и понемногу расширяемого собирания рецептов. Рука и голова не были отделены друг от друга» (Маркс, 1973: 554). Когда же наука выводится из «разрозненного обыденного знания», тогда

упускается из виду, что на эмпирическом уровне момент всеобщности не ухватывается. Такое возможно лишь на более высоких ступенях абстракции, присущих (и характерных) для спекулятивного «духа» философии. Его прототипом явился античный способ мышления, уходящий корнями в социальность античного рабовладельческого строя с разделением умственного и физического труда.

Мы убеждены: включение в науку всех вырабатываемых в культуре и в социальном опыте человечества знаний, в том числе прото-(пред)научной его формы, является неоправданным упрощением реальной истории науки и столь же малооправданной ее схематизацией. При таком подходе к генезису научной формы знания абстрактно понимаемая наука связывается с достаточно ранней стадией культуры. Как следствие размывается и становится неявной прежде всего содержательная граница между «знанием вообще» и «собственно наукой»; возникает опасность занижения нижней границы («генетического порога») науки в глубины человеческой истории и культуры; наконец, происходит нарушение специфики различных духовных образований как детерминирующего фактора научно-познавательной деятельности. Соответственно мы стоим на позиции ухода от любых крайностей, когда при должном внимании к ранним историческим познавательным формам (в нашем случае — к феномену мифа) одновременно учитывается специфика (инвариант) научной формы знания и самосознания.

«Собственно наука» возникла под воздействием совокупности специфических социально-исторических факторов. Они сложились, в условиях античной (греческой прежде всего) полисной демократии и социальности, опирающейся на кооперацию свободно дискутирующих граждан и соответствующей «модели мира». Именно там впервые теоретическое сознание смогло сформулировать норму поиска истины, вырабатываемой самими людьми и являющейся исключительно результатом напряженной работы сознания свободных граждан. «Теоретическое естествознание, — отмечал Ф. Энгельс, — если оно хочет проследить историю возникновения и развития своих тепе-

решних общих положений, вынуждено возвращаться к грекам» (Энгельс, 1952: 24–25). В этих словах — квинтэссенция одной из сложных и важных в истории науки проблем — проблемы преемственной связи науки различных эпох, античной, средневековой и современной форм знания, в русле развития которых, собственно, и сложились релевантные условия для возникновения науки в ее традиционном сегодняшнем понимании и трактовке.

Первичной теоретической формой знания, удовлетворяющей необходимым требованиям, было античное теоретическое знание (*episteme*) как «нечто прочное и с трудом меняющееся, даже если постигли его в малой степени...» (Аристотель, 1978: 72). Но эта форма знания не имела важнейшего компонента — экспериментального метода, эксперимента как «искусственного воспроизведения природных явлений с целью подтвердить (опровергнуть) то или иное теоретическое предположение (гипотезу)» (Рожанский, 1980: 11). То, что для современной науки является нормой — практическая приложимость знания, — для античности неприемлемо в принципе. В науке содержательные возможности идеальных объектов выходят за рамки наличной практической деятельности, что относится к науке развитого типа, но никак не к абстрактному «мировому дереву» мифологического сознания и модели мира, им сформированной (Степин, 1984: 138–139). Парадокс в том, что именно абстрактная созерцательность и соответственно разрыв с практикой погубили древнегреческую «науку». В известном смысле она себя внутренне исчерпала.

Вместе с тем именно в античной Греции был реализован окончательный переход от олимпийско-мифологической мировоззренческой формы (по А. Ф. Лосеву, теогонической) — к форме логической (Петров, 1996: 199). Последняя способствовала практике использования универсальных лингвистических связей для построения картины мира, закрепляя тем самым переход от мифа как способа специализированного кодирования знания, характерного для традиционного общества, к философии как способу универсального кодирования знания. В свою очередь, потеря связи

с традицией и переход к лингвистической структуре означали неизбежный разрыв с прежней мифологической схемой на пути магистральной мировоззренческой трансформации. Это являлось выражением качественного скачка в закономерном развитии античной понятийной формы мышления на пути образования философских категорий, формирования раннего античного теоретического знания, отличного от науки не только функционально, но и по своим методам.

По своей структуре и функциям античное знание антропоморфно, структурно разграничено, классифицировано по строгой ценностной шкале: ни само знание, ни его предмет не мыслится объективным и аксиологически нейтральным (по Аристотелю). Знание (понимаемое как единство слова и дела) приобретает под знаком достижения этического идеала как достижения добродетели, выступает в форме метафизики, выполняет сугубо объяснительную функцию; оно оторвано от знания эмпирического и в силу этого практически неприложимо. То есть уместно говорить о генезисе *античной формы теоретического знания*, ориентированного на созерцание, неизбежно статичное, но не об «античной науке» в сегодняшней трактовке. Речь может идти только о формировании некоторых *условий* ее существования. В противном случае концептуальные рамки современной науки неоправданно накладываются на исторически «ограниченные» формы античного значения.

Итак, занимая свое место в целостной структуре знания, донаучные социальные и ментально-когнитивные конфигурации (в нашем случае — миф, античная рациональность) выполняют свою культурно-историческую и идеологическую миссию по обогащению познавательного опыта человечества, по созданию условий и предпосылок генезиса опытной науки (Калинина, 2010: 19). Это позволяет нам уточнить их значение как самостоятельных, качественно цельных социальных и ментально-когнитивных образований, которые в превращенной форме содействовали рациональному познанию мира. И в этом смысле анализируемый на общем фоне проблемы генезиса научной формы (по)знания миф явля-

ется достойным и важным предметом философской рефлексии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель (1978) Категории // Аристотель. Соч. : в 4 т. М. : Мысль. Т. 2. С. 51–90.
- Гурштейн, А. А. (1984) Генезис науки как социально-исторический феномен // Вопросы истории естествознания и техники. № 2. С. 19–30.
- Калинина, Г. Н. (2010) Наука и «другое знание». Белгород : ИП А. А. Остащенко.
- Касавин, И. Т. (2005) Наука и иные типы знания: позиция эпистемолога // Эпистемология и философия науки. Т. 4. № 2. С. 5–15.
- Маркс, К. (1973) Экономические рукописи 1861–1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры. Т. 47. С. 1–612.
- Петров, М. К. (1996) Историко-философские исследования. М. : РОССПЭН.
- Рожанский, И. Д. (1980) Античная наука. М. : Наука.
- Степин, В. С. (1984) Специфика научного познания и социокультурные предпосылки его генезиса // Наука и культура. М. : Наука. С. 138–159.
- Швырев, В. С. (1986) Научное познание как объект междисциплинарного исследования : науч.-аналит. обзор / ред. Ю. В. Галкин. М. : ИНИОН АН СССР.
- Энгельс, Ф. (1952) Диалектика природы. М. : Госполитиздат.

MYTH AS A «TRANSFORMED FORM» OF KNOWLEDGE AND THE BORDER OF THE ANTIQUE RATIONALISM (TO THE QUESTION OF THE GENESIS OF SCIENCE)

G. N. Kalinina

(The Belgorod State Institute of Arts and Culture)

The article presents a reflection of the identification of specific historical (real) prerequisites and the borders of the genesis of science related to a complex metamorphosis of the «transformed forms» of knowledge as compensative substitutions at the borders of ancient rationality.

Keywords: myth, antique rationalism, the genesis of science, mental and cognitive forms, logical and rational thinking.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Aristotel' (1978) Kategorii // Aristotel'. Soch. : v 4 t. M. : Mysl'. T. 2. S. 51–90.
- Gurshtein, A. A. (1984) Genезis nauki kak sotsial'no-istoricheskii fenomen // Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki. № 2. S. 19–30.

Kalinina, G. N. (2010) Nauka i «drugoe znanie». Belgorod : IP A. A. Ostashchenko.

Kasavin, I. T. (2005) Nauka i inye tipy znaniia: pozitsiia epistemologa // Epistemologiya i filosofiya nauki. T. 4. № 2. S. 5–15.

Marks, K. (1973) Ekonomicheskie rukopisi 1861–1863 godov // Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. M. : Izd-vo polit. lit-ry. T. 47. S. 1–612.

Petrov, M. K. (1996) Istoriko-filosofskie issledovaniia. M. : ROSSPEN.

Rozhanskii, I. D. (1980) Antichnaia nauka. M. : Nauka.

Stepin, V. S. (1984) Spetsifika nauchnogo poznanii i sotsiokul'turnye predposylki ego genezisa // Nauka i kul'tura. M. : Nauka. S. 138–159.

Shvyrev, V. S. (1986) Nauchnoe poznanie kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia : nauch.-analit. obzor / red. Iu. V. Galkin. M. : INION AN SSSR.

Engel's, F. (1952) Dialektika prirody. M. : Gospolitizdat.